

Мадлен ДЖАБРАИЛОВА:

«Мы сами себе критики»

Не возникает ли у вас такое ощущение, что в «Мастерской» уже несколько «слоев». Театр пополнился еще двумя поколениями «фоменок». Ведь недаром же Петр Наумович ставит разные спектакли для разных команд.

— Нет, мы все же — целый организм. Я не могу сказать, что есть какие-то ответвления или какая-то «Мастерская Фоменко-2». Просто так сложился механизм нашей работы на ближайшие годы. У нас очень большая загруженность, и мы пытаемся как-то «развести» ситуацию. Это чисто техническое дело.

— Петр Наумович на сборе труппы был не очень весел. Почему? Что его заботит более всего?

— Я думаю, что заботят его новые работы. Просто он чувствует, что людям очень сложно ждать, и сразу возникает вопрос их занятости. Конечно же, есть проблема съемок в кино. Нас всегда отпускают, это важно и в творческом, и в материальном смысле. Но иногда съемки ставят театру палки в колеса. Это такое лезвие, по которому надо проходить очень аккуратно.

— Мне показалось, что Петра Наумовича беспокоит утраটা духа студийности в «Мастерской». Ведь он говорит: «Я помню те ГИТИСовские годы, когда вы жили, горели!» И поэтому сейчас требует от вас самостоятельных работ. Почему он призывает к самостоятельным работам людей, и так загруженных сверх меры?

— Пока одна часть труппы занята «Тремя сестрами», другая ждет «Бесприданницы», работа над которой начнется через полгода. Так что, не все одинаково загружены. Я думаю, что его предложение связано отчасти с этим. А главное — то, что он нам дал практически зеленый коридор. Чтобы люди немножко себя отпустили, чтобы не надеялись на «дядю сверху», который даст роль. У нас есть уже какие-то «придумки-задумки», не знаю, осуществятся они или нет.

— Как вы расценили распределение в «Трех сестрах»?

— Если я начну говорить откровенно, меня застрелят. (Смеется). Знаете, это все-таки вещи внутренние, они не всегда могут быть объективными.

— А я постараюсь быть объективным. Уверен, что вы можете сыграть все. В данном случае, на мой взгляд, вам предложено то, что абсолютно совпадает с вашим традиционным актерским имиджем.

— О распределении на эти роли говорилось еще тогда, когда мы учились в ГИТИСе. Я сейчас даже не могу вспомнить, кто первый сказал, что наш курс хорошо распределяется на «Трех сестер». Тогда нас так «увидели». Тон был задан. И поэтому я совершенно не удивлена, что все случилось именно так.

— Какие у вас ощущения от пьесы?

— На первых порах я испугалась, что мы впадем в стереотипный тон прочтения Чехова. Но чем больше мы погружаемся в пьесу, чем больше узнаем о самом Чехове по его переписке, по воспоминаниям современников, тем интереснее ре-

Одна из самых грациозных и талантливых московских актрис Мадлен Джабраилова — из команды «стариков», вместе со своим Учителем создававших «Мастерскую П.Фоменко». Она принадлежит к той редкой категории генетических артистов, существующих вне ампулы. Вспомните ее веселую, разбитную камеристку Марию в «12-й ночи» или умную, хитрую и хищную интриганку Мурзавецкую в «Волках и овцах»; смешную, угловатую служанку Катю в «Месяце в деревне», распевную басом удалую русскую песню, или одну из несчастных сестер в ирландской пьесе «Танцы на праздник урожая».

В последних своих работах: «Безумной из Шайо» Жироду, поставленной Петром Фоменко, и «Отравленной тунике» Гюмилева в режиссуре Ивана Поповски, Мадлен открыла и для нас, и, наверное, для себя, какие-то новые грани своего актерского дара. Ее принцесса Зоя соткана из противоречий: в ней — и нежность первой любви, и гордость царственной особы, и открытость наивной девочки, и непримиримость обманутой женщины. В «Безумной из Шайо» Петр Наумович помог актрисе во всем блеске проявить способность к абсолютному внешнему и внутреннему перевоплощению, найдя при этом какой-то новый для «фоменок» способ существования на сцене. Ее Габриэль внушает и жалость, и страх, а иногда и ужас. Кто она: просто сумасшедшая старуха или посланница потустороннего мира, мираж или ангел? Сразу и не поймешь.

Мы встретились с актрисой сразу после открытия очередного сезона в «Мастерской». Театр под руководством Мастера уже приступил к долгожданным «Трем сестрам», где Мадлен репетирует роль Наташи.

петировать. Это грандиозный автор! Герои «Трех сестер» не какие-то «вообще» женщины и мужчины. Они живые, конкретные, со своими ошибками, эгоизмом, тоской. У них миллион проблем. Конечно, к этой пьесе нельзя подходить с необязательным ощущением. Мы должны быть требовательны к этим персонажам.

— А с героиней своей вы «сошлись»?

— Да нет, еще не сошлась.

— Есть противоречия, приходится преодолевать себя?

— Все время преодолеваешь себя. Я не помню ни одной работы, чтобы была полная «стыковка», потому что образ мыслей у персонажа все равно другой. Он может быть чем-то близок, но не полностью. Ты сам противоречив, ты сам себя не знаешь до конца. У японского писателя Харуки Мураками есть такой диалог: «Ты смельчак или трус? Не знаю. Когда трус, когда смельчак... Сразу не скажешь». Вот так и

здесь, то же самое.

— Неужели у вас ни в одной роли не было такого ощущения, чтобы все шло как по маслу?

— Нет, такого не было.

— Даже в «Тунике»?

— Это было даже дальше от меня, чем все остальные роли, в тысячу раз.

— Петр Наумович сказал на сборе труппы, что его тревожит мода на любовь к «Мастерской».

— Да, меня тоже тревожит.

— Почему?

— Мода — дама ветренная. А любовь проверяется не на вершинах успеха, а, скорее, в период тяжелых испытаний. Конечно, хорошо, что нас знают и любят. Но в этом случае нам надо быть в тысячу раз требовательнее к себе и к своей работе.

— Вам не страшно, что от «Мастерской» всегда ждут чего-то сногшибательного, «атмосферы полета»?

— У нас нет такой цели — по-

ражать кого-то. Мы продолжаем жить и работать, и, конечно, труднее, когда нам уделяется столько внимания. Похоже на состояние канатоходца, который идет под куполом, а все снизу на него смотрят. Сколько мастерства должно быть у этого канатоходца, чтобы, даже если он сделал что-то не точно, сохранять спокойствие и продвигаться дальше. Творческий процесс — это дело интимное. Хотя он и связан с каким-то азартом, даже с каким-то соревновательным духом.

— Недавно прошел фестиваль, посвященный десятилетью вашего театра. Порадовал ли он вас?

— Я сначала недоумевала: зачем мы возрождаем старые работы?! Но в результате это пошло на пользу. Тогда не хватало сил отойти и посмотреть на себя со стороны. А сейчас возникло ощущение отстранения, возможность посмотреть на то, что делал раньше. Я ис-

пытывала громадную радость, что влезла в это дело!

— Изменились ли старые спектакли?

— Некоторые спектакли задышали по-другому. Например, случился удивительный эффект с уайльдовским «Как важно быть серьезным» — спектаклем, которым мы открывали наш театр. Помню, тогда режиссер Евгений Каменькович требовал, грозил, на колени умолял, чтобы мы поняли его подход к этому спектаклю. Задумывалось все, как дефиле. Но артисты должны были демонстрировать не только костюмы, но и образ мыслей Уайльда: могло возникнуть особое общение с залом, легкое отношение к зрителю, и даже возможность поговорить с каким-то человеком, обратиться к нему с репликой, абсолютно не боясь демонстрировать свой костюм. Мы — почти все — упирались внутренне и никак не могли это сделать. Но сейчас, когда все уже приобрели багаж других знаний, мы вернулись к этому спектаклю именно с этим ощущением. И спектакль стал идти легко, весело. Если бы мы тогда сделали, как сейчас, это было бы грандиозно. Здорово, что мы сейчас это почувствовали. Возник, какой-то совершенно непонятный обмен с залом, и ты, наконец, понимаешь, насколько режиссер был прав. И чего ты упирался?! Наверное, нам казалось, что мы умнее. (Смеется).

— Взрослость, разум, наверное, помогают?

— Я не согласна, что разум всегда помогает. Иногда он тормозит. Все равно это игра. А если это игра, то ты должен быть как дитя в песочнице.

— Ваши коллеги рассказывали, что Петр Наумович иногда говорит, что ему трудно с умниками, которых он сам воспитал. Действительно ему, наверное, нелегко с такими актерами, которые, готовясь к репетиции, философствуют, читают дополнительную литературу?

— Да, мы иногда на репетициях «глубококомысленно молчим». Я думаю, что любого режиссера, жаждущего диалога, это может вывести из себя. (Смеется).

— Говорят, что Фоменко чрезмерно требователен и даже жесток в работе?

— Он жесток, он требователен, он непримирим. Если он видит, что человек не может сделать что-то, сопротивляется, он настаивать не станет. Было бы странно, если бы Петр Наумович был диктатором, радостно ходил бы и говорил: вот я их заставил делать так, а не иначе. Наша работа — это именно сотрудничество. Он же проверяет все через актеров. Он всегда старается быть бережным, прежде всего, по отношению к автору, а не просто придумывать то, чего еще никто не делал. Смысл-то в авторе, надо из него «вытаскивать», у него там столько, что потом можно как угодно «крутить».

— Возвратимся к прошедшему фестивалю. Мне кажется, что во «Владимире III степени» в вашем дуэте с Андреем Казаковым произошел какой-то качественный скачок. Может быть, потому что вы стали взрослее, мудрее?

— Наверное, это то, что работает вне меня. Эта работа совершенно мистическая. Мы ее начали делать еще на втором курсе. Сергей Васильевич Женовач сделал пару-тройку сцен по этому произведению: «Тяжба», «Утру делового человека» и «Отрывку». Наверное, втайне он уже тогда планиро-

Звонки и сценарий